

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

В КОСМОСКВЕ ИДЕТ СХВАТКА

Когда в очередной раз начали активно перестраивать центр города и сносить огромные гостиницы середины прошлого века, свое мнение по этому поводу на страницах «КП» высказали чиновники и архитекторы, сторонники реконструкции и ее противники... А сегодня мы решили предоставить слово поэту Андрею Вознесенскому

- Не будем говорить о Москве. Давайте говорить о КОСМОСКВЕ. Здесь у нас на глазах идет борьба хаоса с космосом, цивилизации с культурой, дизайн с архитектурой, хай-тека с классикой. И все это влияет на нас. Все в движении, в процессе. Страшные дома стоят рядом с прекрасными - все как в жизни. Вот на Лубянке построили новый универмаг «Наутилус». Пошлое здание! Жуткое, совершенно бесформенное. Но там интерьеры - войдешь, ахнешь! Прекрасно все сделано нашими дизайнерами, к нам с Запада учиться этому приезжают. Так что в Москве нельзя так однозначно говорить: это плохо, а это хорошо.

- Андрей Андреевич, и все-таки, у Москвы есть свое лицо? И было ли оно вообще?

- Лицо Москвы как раз в том, что она очень разная. Не строилась, как Петербург, по чертежам, по линейке. Чтобы увидеть это лицо - побродите по Замоскворечью. Очень люблю. Это моя Москва. Эти кривые улочки, кривой космос Москвы. Третьяковка, Ордынка, купеческие особнячки. Построенные для людей, соразмерные нам, живые. Вот настоящая Москва, все остальное есть в других городах. Сердечная такая Москва. А вообще, если говорить о лице больших городов, то тут могут быть парадоксальные вещи. В Париже все дома по отдельности неинтересны, нет шедевров. Зато ансамбль города удивительный. Москва тем и хороша, что в ней едины противоречия. Например, стоит старый дом-шедевр Ильи Уткина, а напротив - стеклянное современное здание архитекторов Савинова и Лабазова. И они гармонируют в своей разности. Москва еще и огромный город, у нее просто не может быть одного лица, у центра - да, у го-

рода - нет. У Москвы есть узнаваемые лица, как планеты. Тут Тверской бульвар. Там сталинские высотки. Кремль. Дом Мельникова. Их немного, но они и делают Москву.

Бове знал, что Манеж сгорит

- Вам не жалко, что из этого немного сейчас выдергивают остатки?

- Да, Москва за последнее время потеряла очень многое. Манеж, например. У меня есть об этом поэма. Но я забыл написать там самое главное. Бове, когда украшал декором Манеж, на венчике сделал барельеф - пожарную каску. Он предвидел пожар Манежа. Все сгорело, а венчик остался.

- Но Манеж восстановят.

- Таким, как был, - уже нет. Кто возродит эти удивительные деревянные перекрытия, которые дышали?

- У американцев есть традиция, они не реставрируют архивные документы. Может, и Манеж оставить таким, как есть сейчас. Законсервировать, и все. Он даже сгоревший строен и красив.

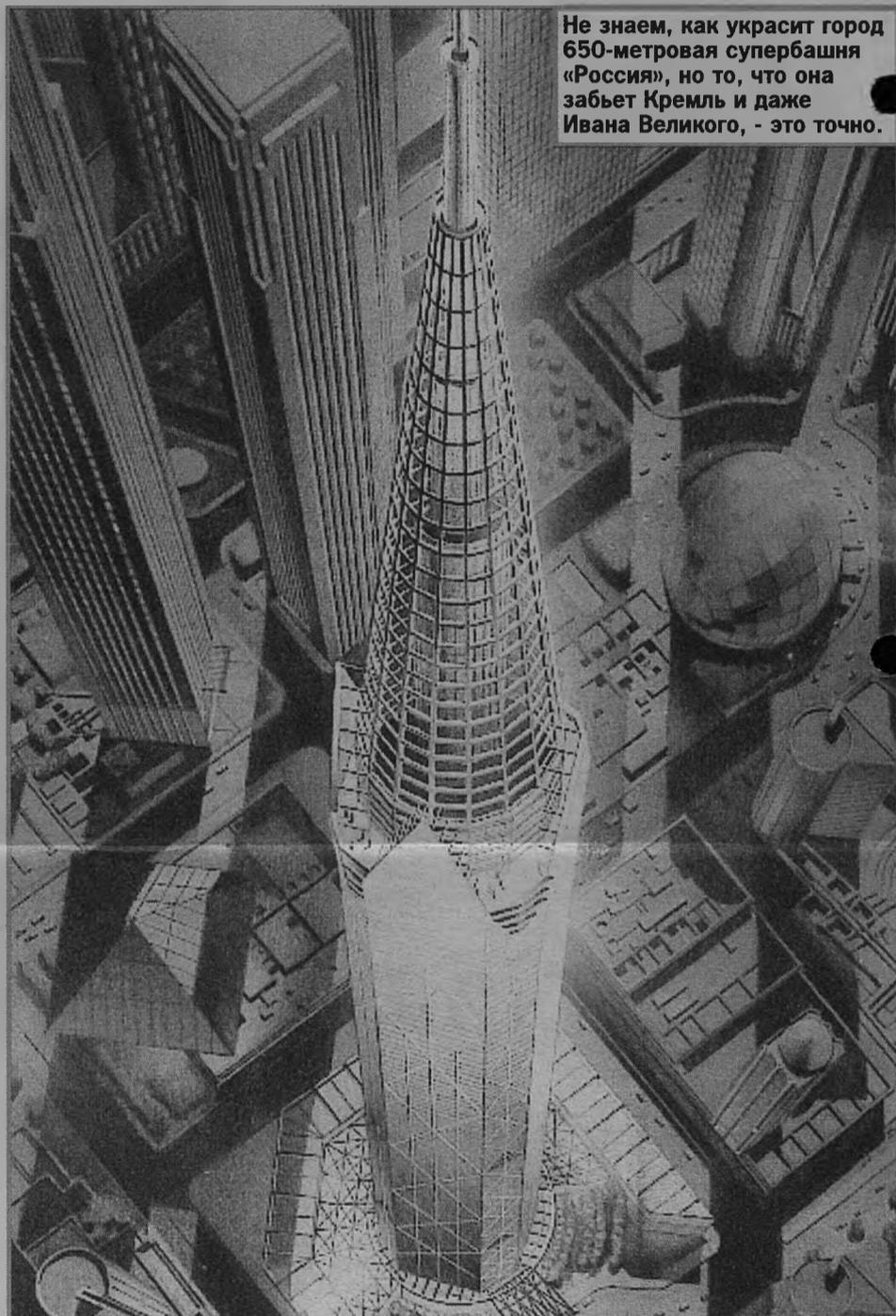
- Все равно надо восстанавливать.

- Вы бы что еще в Москве восстановили из снесенного?

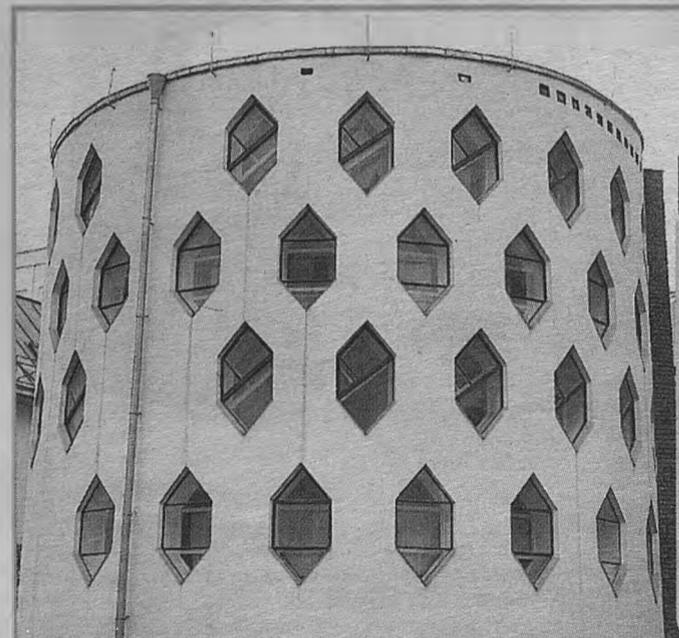
- Сухареву башню. У меня о ней тоже есть поэма. Поразительное было сооружение. Поэма была об исчезнувшей Москве. Я считаю, что архитектура остается в стихах.

Знаки должны возвращаться

- Андрей Андреевич, все-таки это будет уже не то. Вот храм Христа Спасителя восстановили, но сколько лет еще должно пройти, чтобы он стал намоленным храмом.

Не знаем, как украсит город 650-метровая супербашня «Россия», но то, что она забудет Кремль и даже Ивана Великого, - это точно.

Самое «странное» здание арбатских переулков.

ДОСЬЕ «КП»

ДОМ МЕЛЬНИКОВА

(Кривоарбатский пер., д. 10)

Дом, который для своей семьи выстроил в 1929 году архитектор Константин Мельников, в духе конструктивизма. Одна из самых оригинальных жилых построек в Москве - он круглый. Это два врезанных друг в друга бетонных цилиндра, а стены прорезаны двумястами шестиугольными окнами. Интерьер включает ряд рационально и выразительно развернутых помещений на трех уровнях: самыми крупными (по 50 квадратных метров) являются гостиная, одна из стен которой полностью остеклена и раскрыта в прилегающий небольшой садик, и получившая более замкнутый характер мастерская в объеме заднего цилиндра, освещенная 36 небольшими окнами, дающими сложно направленный рассеянный свет.

- Знаки должны возвращаться. Если они были, их надо восстанавливать. Хотя храм вряд ли будет намоленным, он ведь по-другому строился, всем народом. Неуклюжее здание было, но намоленность придавала ему шарм. Плохо не то, что восстанавливают, а то, что сносят и строят заново. Вот «Москву» теперь не возродить, что бы ни говорили о восстановлении по чертежам Щусева. Там, например, был удивительный зал ресторана с потрясающими зелеными колоннами. Как их вернуть? Такого малыхита не найдешь нигде. «Военторг»

зря убили. Это же он снаружи, может быть, и не самое красивое здание, но есть такой термин - интерьерное здание. Великолепные интерьеры были там. Ну сделают фасад, а душу? Варварство. Нельзя сделать ремейк, все разрушить, заново поставить и сказать: вот вам Москва! Хотя тех, кто делает ремейки, можно понять, ими движет коммерция. Понять, но не оправдать.

- Вас не пугает, что сейчас пробивают закон о передаче некоторых памятников архитектуры в частные руки?

- Нет, не пугает. Надо просто, чтобы заставили владельцев возродить эти особняки такими, какими они были при рождении. У нас же все особняки выжили, потому что отданы посольствам. Круглый дом Мельникова надо сохранить. Вот чудо, он создал Вселенную, там все вращается вслед за Солнцем. Он говорил, что этим домом он поборол смерть свою! И пусть такие дома живут. Лучше разве, если все это разрушится от нищеты?

- И новомодные стеклянные дома типа «Наутилуса» не пугают?

- Я уже говорил, что не надо однозначно смотреть на Москву. Здесь должен сплавляться дизайн и архитектура. Это нормально. Только тактично это все должно быть. Вы знаете, что знаменитый конструктивист Корбюзье предлагал перестроить Москву. Но ему ска-